
Кофе к семи сорока
ТРАМВАЙНАЯ КАССА

Владимир Баркалов

Кофе к семи сорока

«Автор»
2026

Баркалов В. В.

Кофе к семи сорока / В. В. Баркалов — «Автор», 2026

В семь сорок бариста Рита выливает в раковину два капучино. Пассажиры, для которых она их приготовила, так и не пришли. Лёва Сомов, разработчик и завсегдатай кофейни у трамвайного кольца, предлагает простую вещь: пусть люди заказывают кофе в дороге и забирают его на пересадке. Вместе с Ритой он собирает чат-бота «Кивок». Первую версию Лёва пишет с помощью нейросети, а проверять её приходится с мокрыми руками, на старом планшете и посреди утренней очереди. Во время пробной смены пропадает интернет. Рита ставит приём на паузу, а бот продолжает обещать кофе. Один из гостей просит Лёву вернуть ему семь минут, которые он хотел провести с дочкой. После этого Лёва заново учится смотреть на свою программу со стороны стойки. Когда владельцы сети буфетов предлагают за «Кивок» девяносто тысяч рублей, ему приходится всерьёз поговорить с Ритой о том, что именно они сделали вместе и на каких условиях готовы это продать. В буфете у бассейна ему дадут одну смену, чтобы доказать, что бот им пригодится.

© Баркалов В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Чужая очередь 6
Два свободных места 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Владимир Баркалов
Кофе к семи сорока

Кофе к семи сорока
Глава первая

Чужая очередь

В семь сорок Рита вылила в раковину два капучино. Я успел прочитать на крышках «Н» и «Н».

— Один я бы взял, — сказал я.

— Поздно, Лёва. У одного уже вкус картонки, другой сейчас догонит.

Она налила мне свежий. Пенки сверху было с чайную ложку, как я любил. Пока я искал карту, Рита вытерла буквы с крышек и отправила их в ведро. Я спросил, зачем стирать.

— Сама удивляюсь, — сказала она. — Дома с конвертов адреса отрываю. Тебе в дорогу?

В то утро я шёл к отцу фотографировать пианино на продажу. От нашей остановки к его дому вели две дороги. Та, что шла через сквер, была короче, зато на длинной у разворотного кольца работало «Окно». В бывшей билетной кассе поместились кофейная машина, два столика и Рита. Для посетителей оставался ещё тёплый каменный подоконник. Об него все и грели задницы, какая бы погода ни стояла. Когда трамвай тормозил на повороте, в сахарнице звякала ложка. Я жил в этом районе до семнадцати лет и по этому звуку ещё помнил, каким бывает утро в понедельник.

Дверь распахнулась. На пороге стояла женщина в вязаной шапке. Она хотела поздороваться, но закашлялась. Рита дала ей воды, присела на корточки рядом с раковиной и вернулась с пачкой молока.

— Нина, я твои только что... — начала она.

Нина допила воду. Её влажный след от стакана остался на стойке.

— Знаю, вижу. На путях грузовик встал, штангу от него отвязывали. Сашка у депо сошёл. Мне один, чёрный. До второго я бы сегодня тоже не доехала.

Так я узнал, кому принадлежали оба «Н». Нина работала в костюмерной театра на другом берегу. Её муж Сашка служил там же осветителем, а возле депо жил его отец. Обычно они ехали вдвоём и успевали перехватить кофе между трамваями. По понедельникам Рита видела их уже на дальнем повороте и ставила молочник на машину. Когда свет попадал в окна под нужным углом, ей даже была видна Сашкина лысина. Сегодня в окне блеснуло что-то ещё.

— Позвонила бы, — сказал я.

Нина посмотрела на меня с интересом.

— Ты ей, что ли, трубку подержишь?

У Риты в левой руке был питчер, в правой тряпка. Локтем она уже отодвигала дверцу холодильника. Звонили ей на телефон с треснутым защитным стеклом. Он лежал на полке над чайником и, пока звонил, медленно полз к краю. Я поймал его за чехол. На экране высветилось «Тамара».

— Хозяйка, — сказала Рита. — Можешь ответить. Только скажи, кто ты такой, она людей по дыханию ещё не узнаёт.

Я сказал, что я Лев Сомов, программист, зашёл за кофе, у Риты обе руки заняты. Из трубки после небольшой паузы попросили передать, что внизу ждут шесть ящиков. Я передал. Рита кивнула на дверь в подсобку, я снял куртку. К отцу я пришёл с красной полосой на запястье. Её оставила прорезь в картонном ящике. Кофе успел остыть, и глоток в самом деле отдавал картонкой.

Отец открыл мне в носках разного цвета. Под одну ножку пианино он уже подсунул крышку от банки. Ему казалось, что на фотографии перекос виден сильнее, чем в жизни.

— Встань слева, — сказал он. — Справа на лаке голая баба.

Голой бабой оказался след от горячего утюга. Однажды мама пришивала мне к брюкам тесьму, проходил её любимый сериал, и она решила погладить коленки прямо перед телевизором. Я сколько ни смотрел, видел один утюг.

— Прятать будем? — спросил я.

— А зачем, покупатель сюда через балкон полезет, что ли? Щёлкни отдельно и напиши, что есть след. А слева потому, что там свет.

В солнечной комнате пахло резиновым клеем. У окна, поверх двух табуреток, лежал склеенный из реек остов лодки. Треугольники голубой ткани были приколоты к старой газете. На ночь отец укладывал лодку в длинный жестяной футляр от удочки. С этой удочкой он когда-то объездил полстраны. Лодка была длиной сантиметров семьдесят. К весне отец хотел спустить её на воду в карьере за хлебозаводом. Ещё он собирался построить вторую, со швертом, для чего и понадобился нормальный стол на месте пианино.

Я откинул крышку. Вся моя музыкальная жизнь уместилась между двумя красными переводными точками, которые мама налепила на клавиши в мои восемь лет. Нажал фа. Из глубины, следом за нотой, донёсся сухой деревянный щелчок.

— Хорошо бы записать, — сказал отец. — А то приедет человек с ребёнком, с четвёртого этажа слышно этот щелчок.

Я включил запись и попросил его сыграть что-нибудь коротенькое. Отец дважды взял фа.

— Вот это и продаю. Проиграй.

Нам обоим стало страшно смешно. На записи слышно было, как я соплю, отец говорит «вот это и продаю», а снизу из-под открытой на кухне форточки невидимый мужчина довольно громко сообщает кому-то, что у него нормальные яйца. В дубле номер два яйца утихли. Я приложил запись к объявлению, указал этаж, приложил фотографию царапины и стал подбирать цену.

Отец тем временем достал откуда-то тетрадку с телефонами мастерских. Среди цифр и фамилий я увидел старые суммы в рублях с длиннющими хвостами нулей. Он сдал несколько наших стульев в перетяжку ещё до того, как я пошёл в школу, и сохранил номер мастера. Всё, что у него в жизни хоть раз получалось, можно было отыскать на одной из этих промасленных страниц. Я сказал, что у Риты в кофейне тоже, наверное, есть такая тетрадка. Будь у меня там своя стойка, я бы сделал бота. Пассажир пишет по пути, что хочет, бот подсказывает напиток, принимает заказ, на стойке появляется бумажка или что-нибудь вроде. Люди забирают горячее. Дальше такое можно ставить в каждую точку.

— Любопытно, — сказал отец, — а кто купит?

Я как раз нашёл на соседней улице похожее пианино за двадцать тысяч и сказал, что тысяч за двенадцать найдётся человек.

— Господи, какое дорогое у вас стало кофе, — сказал отец, и мы опять засмеялись. Однако я потом весь день думал, что мог бы ему ответить.

До февраля я писал каталог для городского музея. Если кто-нибудь приходил к ним с картиной, хранительница Зоя снимала её с обеих сторон, записывала размеры, фамилию дарителя и место, где хранилось разрешение на показ. Каталог достался мне от другого разработчика. В старой карточке было место только для одной фамилии. «Сёстры Осокины» туда влезали. Две конкретные сестры, каждая со своим разрешением, уже ставили дело под угрозу. Три месяца я распутывал этот узел. За последнюю часть работы Зоя должна была заплатить после того, как получит на своей машине сто старых карточек со всеми подписями.

Работа мне нравилась, особенно оборотные стороны. На лицевой висела невинная речка с берёзками, переворачиваешь, а там химическим карандашом «Витя, верни складной метр». Я даже завидовал Вите. Его речка лежала в запаснике, о нём помнили из-за этого метра уже семьдесят лет. Мне самому пока удавалось оставлять после себя преимущественно пароли, которые люди забывали.

На следующий день я пришёл в «Окно» к открытию. Из снега у дверей торчал одинокий синий бахил, надетый кем-то на столбик. Рита с короткими медными волосами, ещё мокрыми

после душа, ковыряла ключом бумажный мешок. Хозяйка сидела на подоконнике в пальто и ела киви ложечкой. Я узнал её голос.

— Вот, — сказала Рита, — человек, который вчера разгрузил мне шесть ящиков за право поговорить с вами по телефону.

— Выгодный тариф. Тамара, — сказала хозяйка и протянула мне свободную руку. Второй у неё была прижата к колену кожура киви. — Рита говорит, вы нам что-то задумали поставить. Куда?

Я рассказал про бота-бариста, которого можно открыть в обычном мессенджере прямо в трамвае. На экране маленькое меню и помощник, который умеет спросить, хочется человеку чего-нибудь помягче или покрепче. Заказ уходит сюда. Бариста приготовит точно к назначенному времени. Человек подходит к свободному окошку, берёт стакан, даже перчатки можно не снимать. На словах про перчатки я спохватился, что надо ещё как-то платить.

— У нас с оплатой всё хорошо, — сказала Тамара. — У нас вот с этим.

Она показала через стекло на трамвай. В салоне были видны люди, прижавшиеся друг к другу пуховиками. Кто-то пытался протиснуть к выходу лопату в чехле. Пока пассажиры выбирались на снег, Тамара собралась объяснить, что именно у них было с этим, но Рита уже насыпала одну порцию зёрен, включила помол и крикнула, чтобы я ушёл из прохода. Я вжался в стену. Рита всё равно задела меня дверцей.

Весь наплыв занял девять минут. Мужчина с лопатой прислонил её к стене и оба раза, когда его просили подвинуться, вежливо двигал одну только лопату. Трое подошли одновременно и сочли своей обязанностью договориться, кто кого угощает, прежде чем приступить к выбору кофе. Девушка в жёлтых ботинках уже потянулась за стаканом, но увидела за спиной Риты сироп и спросила, можно ли всё-таки с сиропом. За стеклом зажёг белые фары и пополз мимо третий маршрут. Двое у дверей вздохнули и вышли. Человек без шапки, который всё это время читал у окна, допил из настоящей фарфоровой чашки и сказал Рите, что завтра принесёт книжку получше.

— Что берут, я за них решить могу, — сказала Рита, когда дверь за ними закрылась. — Если очень попросят. Сколько человек подойдёт за ближайшие две минуты, я пока так и не научилась. Вон кофе зачарованный стоит. Будешь?

Разделавшись с мужскими лопатами и женскими ботинками, она снова приготовила стакан для человека, который ушёл на трамвай. Я вытащил блокнот. Записать «автоматизация прогнозирует спрос» было приятно и в меру красиво. Под этим я написал «два не дождались», затем зачеркнул. Только парень без шапки и Рита видели, что двое вообще собирались покупать. Я самого их решения не видел.

Тамара показала мне узкую створку справа от кассы. Когда-то там сдавали размен между двумя билетными кассирами. Створка выходила в тот же зал, у одной её половины стояли стаканчики с сахаром. Деревянные направляющие обросли лаком. Тамара толкнула, первой попытке дерево не поддалось. Она поставила в паз ребро синего карандаша, надавила. Окно, будто вспоминая само себя, отъехало на ладонь.

— Эту будешь открывать только при Рите. Холодком тянет, и шея у неё одна. Денег на планшет у меня сейчас нет. И рядом за неё постоять я могу по средам, когда поставщик приходит. Сможешь показать, зачем оно мне?

Я уже прикидывал, за сколько вечеров можно собрать приложение и где взять дешёвую подставку. Она застегнула верхнюю пуговицу.

— Приходи завтра со своей тетрадью. Подержи вот здесь обычный листок. Если через листок будет удобно, дам попробовать телефон.

После её ухода Рита вынула из кармана зелёного фартука деревянную прищепку, крашенную жёлтой половой краской. Ею она цепляла к полке записки о доставках. Один кончик

был светлее другого от нескольких лет под пальцами. Рита раскрыла прищепку, вложила туда чек и повернула поперёк.

— С той стороны видишь?

Я встал в зале, за женщиной с санками. Прищепку было видно с улицы. Я кивнул. Рита махнула мне ладонью. Оказалось, я ей загородил свет.

Вечером я нарезал из музейных черновиков прямоугольники, вписал на каждый напиток, время и порядковый номер. Прямо под «капучино» на просвет читалась буква из надписи про складной метр. Клейкая лента так громко отдиралась от ролика, что снизу трижды постучали в потолок. Мне показалось, что я наконец занимаюсь осязаемым делом, и я разложил будущих клиентов по полу, чтобы высохли надписи, сделанные фломастером.

Отец прислал фотографию ноги в валенке рядом с пианино. Кто-то попросил измерить промежуток между инструментом и стеной, и отец для масштаба засунул туда ногу. Я объяснил, что человек хотел узнать глубину корпуса. В ответ пришёл вопрос, а не хожу ли я завтра всё равно мимо и сколько времени я собираюсь держать в интернете двадцатилетний коврик из прихожей. Он только теперь заметил его в правом нижнем углу. Мы спорили о коврике минут десять. За это время я нечаянно наступил на собственное будущее и напечатал себе на носке зелёное «7.40».

За пять минут до открытия мне пришло в голову, что у меня нет ни одного клиента. Рита слушала мой план с видом человека, которому предстоит одевать чужого младенца. «Дадим людям бумажки» звучало в тёплой комнате заманчивее. Чтобы получить мою бумажку, пассажиру требовалось сначала как-то узнать о её существовании. Я собирался встать на тротуаре и ловить желающих. Пришлось одолжить у Риты шарф, потому что мой остался у отца, замаскированный под чехол от лодки.

На остановке стояла Нина. На этот раз одна, с большим пакетом. Из пакета высовывалось мужское ухо. Я обошёл её по широкой дуге.

— Резиновое, — сказала Нина. — Для великана. Будешь трогать?

Мы разговорились. Я попросил её представить, что до кольца ещё две остановки и телефон уже в руке. Какой кофе выбрать, на какое время? Она сказала, что сегодня хочет горячего молока. У меня было четыре карточки с капучино, три с американо и две с фильтром. Внизу десятой в качестве дерзкого жеста я написал «раф». Пришлось перевернуть бумажку. На обороте обнаружился фрагмент музейной описи «пояс красный бархатный». Нина вычеркнула пояс и написала «молоко без всего, поосторожнее с кипятком».

— А когда хочешь забрать?

— Двадцать второго.

— Сегодня же двадцать второе.

— Двадцать второго номера, милый. Я приеду на двадцать втором, мне через площадку перейти. Время сама посмотри.

Я поставил семь сорок, побежал к Рите с бумажкой, и первая же машина на съезде умыла меня водой до колен. Рита прочла обе стороны карточки.

— А бархатный пояс она у тебя уже получила?

Молоко грелось. Заполнив карточку до дна, Нина тем самым отдала мне свой единственный экземпляр. Я стоял и придумывал, как вернуть ей номерок, чтобы не пришлось узнавать лицо. Пока я придумывал, Рита поставила стакан к створке, встретилась с Ниной глазами и коротко кивнула. Нина забрала молоко. Две купюры она подсунула к кассе под стаканом с сахаром. Мне показалось, что вышло быстрее, чем накануне. Часов я, конечно, не засёк.

За утро на мои бумажки согласились ещё четверо. Водитель мусоровоза заказал себе американо, потом удивился, что я не притащу заказ к машине. Парню с лопатой, которого я узнал уже по лопате, оказалось важно выбрать размер стакана. У него на руле велосипеда качалась походная кружка и ничего большого в крепление не влезало. Девушка взяла у меня

карточку про фильтр и так и уехала с ней. Сквозь запотевшее стекло было видно, как она ею обмахивается. Четвёртой оказалась сама Тамара. Она честно отстояла очередь и предъявила пустую бумажку.

— Хочу, чтобы вы меня просто обслужили. Где для меня место?

Рита подвинула ей сахарницу, рядом с которой и раньше стояли все, кто делал заказ голосом. Тут подошёл следующий трамвай. Люди входили, стряхивали снег и шли к той же стойке, как ходили много лет. Молодой человек в дорогих наушниках увидел, как лопата обошла его к створке, сунулся следом и заказал себе два круассана. Другой подставил кружку под руку с готовым фильтром. За моей спиной образовалась тесная, вполне настоящая очередь в «очередь без очереди». Нина смотрела на нас с площадки и, кажется, жалела, что отдала мне своё ухо подержать всего на минуту.

Я собрал оставшиеся карточки обратно. Рита достала из-под прищепки третью, нарисовала на ней два стакана и подвесила повыше.

— Чтобы сделать эти два, мне нужна свободная рука. Купи у меня для начала пару минут. Вот между трамваями затихло. Люди, которые зашли с улицы, никуда при этом не делись. Если возьму два заранее и ещё три у кассы, вывезу. Пять заранее обещать не буду.

Мы расчистили полку у створки. Я нарисовал на обороте ненужной карточки три кружка, один из них зачеркнул и приписал «два места на десять минут, пока пробуем». Тамара поинтересовалась, сколько минут она сэкономила, посадив меня на мокрую табуретку. Я вынул телефон и завёл в блокноте три колонки. В первой собирался отмечать, сколько чашек удалось выдать к нужному времени, во второй — сколько пришлось переделать. Для третьей у меня не было названия. Тамара взяла синий карандаш и написала «у двери».

— Там тоже мои люди. Встанешь завтра и посмотришь, кто там застревает. Пусть даже это тот самый, с круассанами.

Отогревая ноги дома, я обнаружил на сайте объявлений уведомление. Женщина по имени Света просила дать послушать не отдельную клавишу, а две соседние, сначала по одной, потом вместе. Мои родители разошлись давно, но общий язык у них сохранился. У папы в ответах было бы «как это две фы вместе», у мамы «ну попроси видео, она тебе сыграет». Я позвонил маме. Она как раз обедала на работе и во время всего разговора шуршала обёрткой от сырка.

— Конечно, я вам сыграю, — сказала она. — Только я в трёхстах километрах. В детстве я по воскресеньям целый класс таких фа чинила. Скажи ей, с соседом у этой ноты всё хорошо.

— Это моя соседка? Знакомая твоя?

— Кто?

— Света.

— Господи, Левка. Я про соседнюю клавишу. Что ты там параллельно читаешь?

Я захлопнул ноутбук. Зоя из музея писала, что завтра можно проверять перенос карточек, а программа с моим помощником уже открыла чистое окошко с вопросом, что мы сегодня построим. Снаружи, на железном подоконнике, подтаивала вода. В отдельном стакане у батареи торчал мой мокрый шерстяной носок. Вряд ли кто-нибудь поверил бы, что у меня сейчас есть сразу три дела, за которые в принципе могут заплатить.

Музей располагался в купеческом доме с такой старой электрической проводкой, что, когда внизу включали чайник, наверху по картинам пробегала тень. Я зашёл туда по дороге с кольца. Зоя поставила на конторку две папки и спросила, какая из сестёр Осокиных дала разрешение снимать работу бабушки для открытки. Я открыл каталог, набрал фамилию и с удовольствием показал ей две записи. Обе сестры оказались тёзками. Это было невозможно, но в половине музеев мира наверняка висели фотографии человека по имени Без Имени. Мы подняли бумажный оригинал. В углу листа карандашом было помечено, что старшая сестра

заполняла за младшую и расписалась обеими фамилиями. Следующие полтора часа я учил программу хотя бы сомневаться в том, в чём сомневалась Зоя.

Под вечер Зоя спросила, чего это я пахну молоком и почему у меня на шарфе булавками пришита надпись «Гамлет, двор». Выяснилось, что Рита одолжила мне шарф из забытого Ниной театрального мешка. Я рассказал про кофе. Зоя послушала и предложила позвонить её племяннику. Он держал киоск с ключами в торговом центре и каждую неделю предлагал купить его дело, обычно после обеда.

— Что я ему покажу? У меня там бумажка на прищепке.

— Ты на нём потренируйся говорить, — сказала она. — Всё равно ведь сначала захотят узнать, сколько стоит. Мне ты тоже, помню, первым делом показал, как фотография переворачивается. Я сидела вот тут и считала, не придётся ли платить отдельно за обратную сторону.

Я правда хотел ей это показать. У карточки был красивый поворот вокруг вертикальной оси, в середине на долю секунды работа становилась тонкой, как настоящая фанера. Эту часть я сделал за один вечер. В тысячах строчек кода её было проще всего продемонстрировать, и я показывал её каждому, кому мог навязать разговор про музей. Сейчас Зоя уверяла меня, что только к третьему нашему разговору поняла, почему можно доверить мне эти папки. Я помог ей отклеить застарелую скрепку с фотографии, подогрев металл пальцами.

Племяннику я так и не позвонил. Вечером, пока грелся бойлер, я встал перед зеркалом в ванной и предложил себе купить бота для предзаказа кофе. На словах «ваши гости» у меня включался голос ведущего утренника. Худой человек с застывшими кудрями, в похожей на казённую синей куртке с оранжевой подкладкой, в отражении охотно покупал у меня только шампунь. Куртка была моя. Папа выбирал её с таким расчётом, чтобы я мог в случае беды вывернуть её и махать спасательному вертолёту. В нашем районе вертолёту пришлось бы для начала пролезть под трамвайным проводом.

Утром я занял место возле двери. Дежурство у кассы взял на себя парень по имени Даня, который подменял Риту по четвергам и субботам. Даня нарисовал смываемым маркером на стекле две стрелки. Из зала они прекрасно читались, пока из трубы над мойкой не пошёл пар. Тогда на стекле остался маленький аппетитный червяк, указывающий в пол.

Трижды я объяснил покупателям, куда вставать. В четвёртый раз Рита чуть приподняла прищепку над уровнем глаз и положила к выдаче в ложемент от сахара готовый стакан. Человек, которому он предназначался, прошёл без подсказки. Мы переставили сахар ещё на полку дальше. На каменном подоконнике высвободилось место размером с противень. Девушка у двери поставила туда сумку и за время, пока вытаскивала кошелёк, заметила свободную стойку. Вслед за ней перестроились двое.

К половине девятого у меня осталась одна пустая карточка и семь с пометками. Два заказа выдали вовремя, ещё один подождал минуту, потому что человеку захотелось корицы. У двери долго стоял дед в полушубке. В конце концов я спросил, чем могу ему помочь. Он вежливо попросил меня подвинуться. Под подоконником шла батарея, и ему, собственно, было хорошо там, где он был. Я зачеркнул напротив него шесть минут, уже записанных как ожидание.

Потом дед вынул из нагрудного кармана карандашный огрызок и подозвал меня к газете. Там был кроссворд. Требовалось имя жены какого-то мифического разбойника, шесть букв, третья «р». Я честно поломал голову. Посетитель с большим стаканом перегнулся через моё плечо и подсказал. У него в руке был уже готовый кофе, но он остался до конца разговора. Дед вписал ответ мелко, карандашом, конец слова не сошёлся с притоком Камы. Пришлось всем вместе разбираться ещё и с Камой.

Рита крикнула от машины, что у нас сейчас двое официально занимают места у выдачи, хотя обоих вполне устраивает эта тихая жизнь. Мы дружно передвинулись к тёплой батарее. На газете осталось бледно-коричневое донышко. Я поправил свою тетрадь. Вписывать в ожидание стану того, кто уже встал за чашкой. Собравшихся погреться, подсказать реку и просто пере-

ждать трамвай буду в случае сомнений спрашивать. Это всё равно проще, чем потом доказывать Тамаре, будто ей требуется вторая касса для обслуживания любителей географии.

Тамара пришла в одиннадцать, с полотняной сумкой, из которой высовывалась огромная картофелина.

— Ещё в глазок не пролезает, — объяснила она. — У мамы на грядке выросла. У меня двое внуков, сейчас буду резать честно. Ну как, изобретатели?

Рита поставила перед ней карточки. Я сказал, что наблюдал два утра и не могу пока назвать выручку. Одна женщина с предзаказом всё равно встала за человеком у кассы. А капучино для парня с кружкой пришлось готовить дважды. Он хотел овсяное молоко, на карточке места для молока не нашлось. Зато можно сделать так, чтобы Рита сама открывала два места на ближайшие десять минут, и кофейня будет знать о двух заказах, пока пассажиры ещё едут.

— И что, парень за второй стакан доплатил? — спросила Тамара.

— Первый выпил я. Рита может подтвердить. Я с утра на кофе смотреть не могу.

— Ладно. От слов «два места» мне уже спокойнее. Давайте три утра на пробу. Денег вперёд не дам. Посуду разбитую с тебя тоже пока вычитать не из чего. Жду в понедельник в семь.

Она разрезала картофелину на две совершенно разные половины. Потом от каждой отрезала ещё по ломтику и обменяла их местами. Даня пошёл с ней до почты и заодно вынес мусор. Всё это произошло так обыкновенно, что только за дверью я сообразил, что получил согласие испытать в чужой кофейне штуку, у которой до сих пор не было ни имени, ни строчки кода.

Света оказалась не моей соседкой. Она жила за рекой, работала в типографии и тридцать восемь лет хотела своё пианино. Число было точное. Когда ей исполнилось шесть, мама сказала, что отдаст её в музыкальную школу, как только они переедут из коммуналки. Переехали через год, школу построили ещё через три, а к тому времени шестилетняя Света научилась хорошо рисовать уток. Следующие тридцать с лишним лет всё устраивалось таким образом, чтобы утки оказывались полезнее гаммы. Сейчас её сын переехал к девочке, в комнате образовался подходящий угол. Света приглядела пианино только потому, что я записал больную клавишу. В остальных объявлениях стояло «в отличном состоянии, оценку не проводили».

Мы договорились записать видео в субботу. Отец, узнав, что у потенциальной покупательницы сын наконец-то переехал, одобрительно крякнул. Ничто в мире не казалось ему более естественным, чем взрослая семья, у которой появилась свободная поверхность. В своё время я тоже оставил ему комнату. В комнату поселились зимние колёса, потом туристская палатка с дыркой. Наконец на стене появилась большая карта карьера, нарисованная им от руки. На ней были помечены глубины, до которых его модельная лодка никогда не достанет килем. Мы условились посмотреть на пианино со всех сторон и вместе протереть пыль за крышкой.

В пятницу, ближе к полуночи, я сел за работу. Слова «вайбкодинг» я до этого стеснялся. Мы с бывшими коллегами произносили его голосом человека, который только что объявил себя королём районной пиццерии. У меня в редакторе кода жила нейросеть. Я открывал с ней чат, когда ленился читать инструкцию к библиотеке или когда нужно было за вечер показать кому-то живой экран. Я объяснял по-русски, как всё должно работать, получал код и тут же пробовал. Если на экране выходила ерунда, мы переписывались ещё. Иногда к полуночи сбылась уже половина задуманного, а я обнаруживал, что даже не заглянул в главный файл. Такие вечера я любил. Наутро после них я первым делом ходил смотреть, что мы натворили.

В строку запроса я по старой памяти набрал «сделай современного дружелюбного собеседника с индивидуальным подходом к каждому гостю». Ассистент взялся за работу с усердием, которого хватило бы на десятерых меня. Нарисовал чашку с глазами, сочинил легенду о путешествиях виртуального бариста по кофейным плантациям и даже придумал, что посетителя зовут Глеб. Глебу предлагалось выбрать своё настроение из пяти разноцветных кружков. «Раздавленное» в список почему-то не попало.

Я посадил Глеба в воображаемый трамвай, надел ему одной рукой варежку, другой вручил ухо великана. Стало ясно, куда он отправит меня с кружками. Я закрыл окно. При этом жалко было смешной чашки. На дне у неё лежала одна отдельно нарисованная крупинка кофе. Её я сохранил в папку с названием «жалко».

Затем я открыл чистый проект, положил рядом листок с записью Тамариным карандашом и написал всего три предложения. «На экране кофейни человек открывает два места на десять минут. В телефоне гость выбирает напиток и свободное время. Покажи мне сначала, что в этот момент увидит человек за стойкой». Минут через пять появился белый прямоугольник с двумя серыми клетками. Я прикрыл одну большим пальцем. Больше похоже. За окном прогрохотал поздний трамвай, настолько пустой, что я различил через дорогу рисунок на чехле водительского кресла.

Сообщение Рите я уже набрал и передумал отправлять. Она вставала около пяти. В это время ей точно хватало людей, которые что-то от неё хотели. Я положил телефон подальше, нашёл на полу карточку с засохшим «7.40» и защемил её у экрана обычной бельевой прищепкой. Мой стол оказался ниже стойки сантиметров на двадцать. Сидя на стуле, я как раз смотрел на записку с той высоты, с какой Рита видела её у себя.

Утром меня разбудил отец.

— Записывать будем? У меня сегодня на фа ружейный выстрел. Или приезжай после обеда, когда солнце уйдёт. Ты мне сразу скажи, во сколько тебя ставить.

Это я мог. Я уже спал в джинсах. Глянул на часы, посчитал трамваи и сказал, что буду у него в десять двадцать. Он записал меня в свою промасленную тетрадку, и мы оба опять легли на пятнадцать минут.

Глава вторая

Два свободных места

В субботу отец сыграл для Светы фа, ми, фа с ми вместе и отрывок левой рукой из песни про зайцев. Правая в это время придерживала телефон. Я вошёл, когда он уже доснимал собственные тапки, и обнаружил, что в моих услугах больше не нуждаются. Света ответила голосом. У неё был уверенный низкий голос и совершенно детское «ух ты» на месте, где после трёх положенных звуков начиналась музыка. В воскресенье она хотела прийти со своей учительницей. Отец как-то сразу подобрался.

— Надо же стул настроить, — сказал он и принялся крутить старую винтовую табуретку. — Люди учёные придут.

Я спросил, где у нас в доме ещё сохранился планшет, который я когда-то купил ему для чтения на даче. Отец повёл меня на кухню, показал на полку с крупами. Под задней правой ножкой шкафа темнел вполне узнаваемый уголок чехла. Купленная мной техника оказалась как раз такой толщины, какой два года не хватало до полного семейного счастья. Я подложил под ножку четыре рублёвые монеты, сложенный календарик и маленькую фотографию какой-то горы. Шкаф перестал качаться, планшет ожил после зарядки. Мы оба остались довольны сделкой.

На этом планшете посетительские кнопки получились размером со спичечную головку. У меня в ноутбуке они были вполне аппетитны. Став двумя пальцами увеличивать страницу, я нечаянно открыл оба свободных места, затем одно закрыл, а про последнее программа сказала, что уже слишком поздно. В «Окне» на полке от молочника до краешка экрана оставалось четыре сантиметра. Я положил на стекло мокрый палец. По нему выросло и тут же сошло несколько бессмысленных окошек. Я записал, с чего начну. На старом планшете надо уметь открыть оба места мокрой рукой.

Я фотографировал экран и посылал снимки помощнику. «Сделай крупнее» оказалось на диво плохим приказом. Шрифт вырос, кнопки распёрло, слово «закончились» завернулось так, что внизу осталось отдельное «сь». «Я стою в полуметре, правая рука держит горячее молоко, левой надо один раз коснуться экрана» сработало куда лучше. Через сорок минут мокрый палец устойчиво попадал в нужную половину. Для остальной проверки понадобился кто-нибудь, у кого свои понятия о половинах.

Даня зашёл за мной днём. Под курткой у него торчала чёрная рубашка с блёстками. По выходным он играл на ударных на свадьбах и сегодня отправлялся поздравлять людей, которые предпочли пожениться в последний зимний уикенд и сильно выиграли на цене ресторана. Пока мы ехали в «Окно», он тыкал в мои кнопки костяшкой согнутого пальца. Так легче, сказал он, если руку вытер только с одной стороны. За две остановки умудрился заказать четыре порции молока в двух имеющихся местах.

— Людям на свадьбе будем отдавать? — спросил он.

Я открыл записи программы, которые она оставляла о каждом действии. На одну отправку заявки приходилось две строки буквально с одним временем. Даня нажимал и не видел мгновенного ответа. Тогда он нажимал второй раз. Каждый раз программа спрашивала, сколько осталось мест, видела одно и довольно соглашалась. Между этим вопросом и записью заказа успевала вклиниться соседняя просьба. Моего горячего молока хватало всем, стоило только попросить одновременно.

Помощник предложил сделать кнопку серой на секунду после нажатия. Мы сделали. Даня, широко улыбаясь, вынул собственный телефон. На нём кнопка осталась превосходной. За минуту он достал нам ещё двух молочных близнецов, отправив последние заказы с разных экранов. Он припомнил, что на сцене у каждого музыканта своя кнопка вызова фонограммы,

но решение, когда будет музыка, принимается в одном пульте. С этим объяснением и отправился на свадьбу.

В школе, когда у меня плохо получалась геометрия, папа пересаживался с табуретки на диван и говорил, что теперь ему виден другой угол. Никогда я ещё так буквально его не понимал. Я развернул белый прямоугольник другой стороной. Пусть каждое касание про себя зовёт заказ одним и тем же номером, пока посетитель его не закончит. Сервер записывает номер только один раз. Если два разных человека претендуют на одно последнее место, открыть его и занять надо одним движением, как повесить ключ от ванной себе на палец, закрывая дверь. Второму останется предложить следующее время.

Я сам прочёл короткий кусок, который выдал помощник. Из всех его строк мне больше всего нравилась одна, возвращавшая прежний ответ тому, кто нервно нажал второй раз. Человек вправе нервничать. Так я и написал в комментарии к проверке. Я отправил Дане временную ссылку на свой ноутбук. В перерыве между первым танцем и выносом горячего он заказал нам двадцать шесть капучино в два места. В списке у Риты остались две чашки. При повторном нажатии на прежний заказ возвращался тот же номер. Кто отправлял новый заказ, получал предложение выбрать другое время. Даня прислал фото бутерброда с красной рыбой и подписал «гонорар за работу получил».

Рита ждала меня после закрытия. В кофейне без кофемашины было так тихо, что я расслышал, как человек за стенкой включает электрическую бритву. Рита сидела на подоконнике в носках, натянув колени фартуком. Зелёная треугольная заплата над карманом иногда шевелилась, и казалось, что под ней кто-то живёт. Она прошлёпала к стойке, подложила под планшет пачку салфеток и попросила налить ей в самый маленький стакан воды. Я налил.

— Считай, я сполоснула питчер и руки ещё мокрые. Давай твою игрушку.

Первые пять минут Рита молча изображала себя. Из пустого молочника сыпался воображаемый пар. Крутилось пустое сито, тикала ручка холдера в гнезде. Мне стало немножко стыдно смотреть. Я будто застал актрису за репетицией, к которой до неё много лет относился как к способу переместить горячую жидкость из железа в стакан. В какой-то момент я забыл, зачем держу телефон у глаз, и опустил его. Рита обернулась.

— Ты что, ушёл? У тебя сейчас физически где тело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.